

Сновидение погрузилось еще глубже, и воспоминания внезапно перенеслись в те времена, когда Шэнь Цзяци была чуть старше.

В восьмом классе она отчаянно ждала, что вся семья соберется вместе, чтобы отпраздновать ее день рождения. Но, как и следовало ожидать, Шэнь Чанфэн снова не успел.

Он обещал, твердо обещал, что обязательно будет с ней в этот день.

Шэнь Цзяци ждала, все ждала и ждала, пока не наступила глубокая ночь. Ужин давно остыл, а его все не было.

Наконец, она услышала торопливые шаги у двери.

Шэнь Цзяци знала — это он, но он не сдержал своего слова.

Не сдерживаясь, она набросилась на вошедшего Шэнь Чанфэна с гневными упреками:

— Ты же говорил, что никогда не опаздываешь! Ты же твердил, что вы, военные, всегда держите слово! Снаружи ты так красиво рассуждаешь, а на деле! Больше не нужно приходить на мой день рождения, я ненавижу тебя, ты не держишь обещаний!

Голос дрожал от ярости, но слезы уже предательски катились по щекам.

Она развернулась, с грохотом захлопнула дверь, заперлась в комнате и, свернувшись калачиком под одеялом, зарыдала. Сквозь слезы она твердила:

— Я никогда не стану спецназовцем, что в этом хорошего... Домой не приходят, обещания не выполняют! Никакой чести!

Она долго лежала на кровати, повторяя про себя:

— Вы просто меня не любите. Если бы любили, то не нарушали бы своих клятв!

Долгое время она не могла успокоиться.

Прошло немало времени, и, заметив, что за дверью воцарилась тишина и никто не пришел ее утешить, Шэнь Цзяци, закутавшись в одеяло, подкралась к выходу и приоткрыла дверь.

Узкая щель была почти незаметна.

Шэнь Цзяци заглянула туда и в свете лампы увидела родителей. Они сидели на диване в гостиной, прижавшись друг к другу, молчали и тихо вытирали слезы.

Шэнь Чанфэн взял кусочек торта, попробовал его и проговорил:

— Какой сладкий... Цзяци наверняка очень хотела его попробовать, почему же она даже не притронулась?

Торт был сладким, но во рту у него, казалось, стоял горький вкус, а в горле застрял тяжелый ком.

Он с трудом сглотнул и продолжил:

— Я никогда не видел, чтобы она так плакала. Даже когда в детстве дралась и получала раны или когда ей было тяжело на тренировках — она никогда так не рыдала! Неужели я... так сильно ее разочаровал?

Слезы покатались из его глаз.

Цзинь Няньэр, сидевшая рядом, нежно погладила его по спине и, покачивая головой, попыталась утешить:

— Нет, что ты! Со временем она все поймет, обязательно поймет!

— Ты ранен! — вдруг воскликнула Цзинь Няньэр, заметив на его шее глубокий порез от лезвия. Рана была кое-как перевязана, но сквозь бинт проступала кровь.

Она умело размотала повязку. Перед ней открылся разрез длиной не менее четырех сантиметров, из которого продолжала сочиться кровь. Она осторожно, дрожащими руками, протирала рану ваткой со спиртом, боясь причинить ему лишнюю боль.

Слезы снова хлынули из ее глаз:

— Зачем ты так спешил? Даже если бы ты не успел вернуться, я бы ей все объяснила! Почему ты не позаботился о себе?

Только сейчас Шэнь Цзяци заметила, что отец даже не успел переодеться — его форма была покрыта дорожной пылью.

Шэнь Чанфэн, глядя на ее испуганное лицо, улыбнулся, погладил ее по щеке и стер слезы:

— Разве я не обещал вернуться, чтобы отпраздновать день рождения нашей дочери? В пылу задания я на секунду отвлекся, но ничего страшного, рана неглубокая, я обработал ее по дороге. Не волнуйся, я в порядке!

Цзинь Няньэр больше не могла его упрекать, она лишь повторяла:

— Главное, что ты вернулся... Просто вернись, главное — вернись!

В гостиной горел маленький светильник, отбрасывая мягкий оранжевый свет, который делал их фигуры такими одинокими и печальными.

В этот миг их слезы глубоко потрясли Шэнь Цзяци.

Стоя за дверью, она крепко сжала кулаки, чувствуя себя виноватой. Как она могла довести отца до слез? Такого гордого человека, строгого и властного командира, который всегда держит свое слово — и вот он плачет из-за ее слов!

Горький комок подступил к горлу, слезы лились не переставая, а на душе стало невыносимо тяжело.

Она крепко сжала зубы, чтобы не издать ни звука.

Дверь так и осталась приоткрытой, а Шэнь Цзяци продолжала стоять в тени, незримо разделяя с ними этот момент.

В ту минуту они плакали, каждый о своем, но сердца их становились ближе.

Пусть они не были вместе каждый день, но она знала — Шэнь Чанфэн любит их.

Они любили ее. Пусть эта любовь была безмолвной, но она была тяжелой и глубокой.

Сердце болезненно сжалось, и Шэнь Цзяци проснулась. Она с трудом открыла глаза и обнаружила, что наволочка насквозь пропиталась слезами. Ей казалось, что те события давно забыты, но сон оказался настолько пугающе реалистичным, словно она снова вернулась в те ночи...

<http://bllate.org/book/20936/2121274>